

DOI: 10.18721/JHSS.8113

УДК 159.954.5:101.2

СТИХИЙНОЕ И ВОЗМОЖНОЕ В ВООБРАЖЕНИИ

А.А. Шадов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена актуальной проблеме соотношения воображаемого и потенциального в контексте философской теории стихий (первоэлементов). Целью работы является исследование стихийной природы воображения. Для онтологической экспликации понятия стихии привлекается категория возможного. Исследование ведется на основе метода потенцирования (разработанного, в частности, М.Н. Эпштейном) с привлечением концепции материально-динамического воображения Г. Башляра, представленной в его знаменитой пенталогии стихий. Делается попытка объединить эти два подхода с целью онтологического определения категории стихии, а также выявления механизмов взаимодействия стихий, генерирующих новые стихийные процессы. В статье проанализированы исторические концепции стихий, начиная с натурфилософии досократиков, а также рассмотрены попытки реанимации в современной философии и науке объяснительного и прогностического потенциала архаической категории стихии. Возможность появления новых первоэлементов возникает в результате взаимодействия и трансформации базовых стихий. Воображение является той познавательной способностью, которая действует по законам потенцирования стихий. Полученные результаты могут быть использованы в качестве эвристической методологии в областях научного знания и философии, имеющих отношение к стихийным процессам в природе, обществе и в антропологическом измерении.

Ключевые слова: онтология; гносеология; возможное; потенциальное; стихия; первоэлемент; архэ; философия воображения

Ссылка при цитировании: Шадов А.А. Стихийное и возможное в воображении // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 1. С. 108–115. DOI: 10.18721/JHSS.8113

THE ELEMENTAL AND THE POSSIBLE IN IMAGINATION

A.A. Shadow

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

The article is dedicated to the actual problem of the relation between the imaginary and the potential in the context of the philosophical theory of elements (primary elements). The aim of the work is to study the spontaneous nature of imagination. The category of possibility is involved for the ontological explication of the concept of elements. The study is conducted on the basis of the method of potentiation (developed, in particular, by M.N. Epstein), using the concept of the material-dynamic imagination of G. Bachelard, presented in his famous pentalogy on the elements. An attempt is made to combine the approaches of both thinkers with the goal of an ontological

definition of the category of elements, as well as to identify the mechanisms for the interaction of elements that generate new spontaneous processes. The article analyzes the historical concepts of the elements, beginning with the natural philosophy of pre-Socratics, and also examines the attempts to revive the explanatory and prognostic potential of the archaic category of elements in modern philosophy and science. The possibility of the appearance of new primary elements appears as a result of the interaction and transformation of the basic elements. Imagination is the cognitive ability that operates according to the laws of potentiation of the elements. The results can be used as a heuristic methodology in those areas of scientific knowledge and philosophy that are relevant to spontaneous processes in nature, society and in the anthropological dimension.

Keywords: ontology; gnoseology; possible; potential; element; primary element; arche; philosophy of imagination

Citation: A.A. Shadow, The elemental and the possible in imagination, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (1) (2017) 108–115. DOI: 10.18721/JHSS.8113

Мир, каким мы его представляем, всё еще носит на себе отпечаток стихийного мировоззрения древних. Стихии могут не осознаваться как первоматерия, как нечто реально существующее¹, но они влияли и продолжают влиять на культуру, науку и философию. Искусство, выражающее глубинные переживания людей, имеет дело со стихийностью. Эмоции, чувства, характеры — всё привязывается к своей стихии, и если приходится читать про любовь или всепоглощающую ненависть, то можно ожидать образы огня, а если встречается всепроникающая тяжесть, то образы воды и земли. И европейская культура не является здесь исключением. В древности первой формой освоения стихий была их мифологическая персонификация в соответствующих божественных образах, в дальнейшей истории эти образы были трансформированы в философские концепты [1].

Понятие стихии или элемента имеет довольно древнюю и неоднозначную историю, вследствие чего ему давали различные определения, часто противоположные друг другу. В данной работе под стихией или элементом будет пониматься потенциальное первовеще-

ство (архэ), из которого актуально возникают все вещи, как материальные, так и идеальные. Идея стихии, с нашей точки зрения, возникла в воображении ранних древнегреческих философов и ученых, но эта интуиция сохранила свой эвристический потенциал и в современной ситуации. Внимание акцентируется на представлении стихий, которое также можно назвать стихийным, если оно затрагивает самые глубинные пласты и связи материального мира, первоматерии, проецирующиеся на культуру, общество, науку, искусство, мифологию и т. д. Например, комбинации стихий «огонь, вода, земля и воздух» как бы генетически кодируют основания европейской культуры, создавая различные ее четверичные структуры (алхимия, игры, темпераменты, бестиарии, органы чувств, стихийные сказки и стихийная мифология и т. д.).

Количество стихий в воображении не должно ограничиваться лишь известной с античности стихийной четверицей. На самом деле, исторически стихий представлялось намного больше. Точнее говоря, имелось гораздо больше феноменов, сопоставимых с традиционными четырьмя стихиями, что обыкновенно не учитывается в некоторых концепциях, в частности у Г. Башляра. В современном обществе понятие «стихия» сузилось до четырех-пяти элементов, и в древности в двух регионах (Греция, Индия) такое понимание стихий было самым распространенным. Однако существовало множество

¹Теория стихий у древних индусов заостряет внимание на том, что все материальные стихии не существуют, а только лишь видятся нам в качестве иллюзии. Это подтверждает гипотезу, что стихийность является предметом воображения.

альтернатив такому взгляду на проблему стихийности². Актуальность обоснования тезиса данной статьи заключается в том, что большинство философов и историков философии по традиции работают лишь с классической четверкой стихий, что является недостаточным для понимания данного предмета во всем его действительном и возможном многообразии. К примеру, проводя свой анализ стихий, являющийся одним из самых фундаментальных трудов в области философии стихийного воображения, Г. Башляр представил только четыре стихии, что не удивительно, ведь в европейской культуре именно они сыграли наибольшую роль. М. Хайдеггер, К.Г. Юнг, А.Ф. Лосев и другие известные исследователи мифа и воображения апеллируют преимущественно к классической четверке стихий, хотя на этом, как будет показано в дальнейшем, тема далеко не исчерпывается. Для более убедительного обоснования темы стоит напомнить, что каждая комбинация стихий, подобно классической четверке стихий, может быть полезна:

- для конструирования новых культурных оснований на базе новых стихийных комбинаций;
- разбора уже существующих или существовавших комбинаций стихий³;
- развития стихийного воображения, выходящего за рамки четырехчастной стихийной модели⁴.

Начнем обоснование данных предположений с использования исторических и культурологических примеров. Наиболее известной и отличающейся от традиционной системы

² «У-син», эфиры инь и ян из философии Дун Чжуншу, всевозможные комбинации элементов в греческой философии, всевозможные комбинации элементов в индийской философии, теория гомеомерий Анаксагора, признание света, тьмы, звука и всевозможных богов (Шива, Вишну, Брахма) материальной основой нашего мира и т. д.

³ Так, невозможно вникнуть в пятисложную китайскую стихийную модель «у-син», находясь под влиянием традиции четырехчастной модели европейцев. Возможность конструирования новых комбинаций элементов расширит предметное поле и позволит взглянуть на стихийность с новой стороны.

⁴ Как писал Г. Башляр, воображение нужно исследовать средствами самого воображения, из чего следует вывод, что воображение саморефлексивно, стало быть, его развитие по сути является стихийным.

стихий является «у-син», китайская пятисложная система элементов. В китайской культуре с самой древности существовало пять стихий: огонь, вода, почва, дерево и металл [2, с. 155]. Твердые элементы (почва, дерево и металл) качественно отличны, поэтому китайцы их и различали. Г. Башляр, как и вся европейская традиция, сводит все металлы к земле. Металл качественно отличается от почвы. Металл – это другая грань твердости. Металл так же связан с землей, как огонь с воздухом. Он находится в земле, как и огонь находится в воздушной среде, но так получилось, что люди абстрактно разделили огонь и воздух в своем воображении. В Древнем Китае произошла обратная ситуация: разделены были почва и металл. Спорить же о растительной материи (дерево) довольно сложно. Очевидно, что растительная материя отличается от всей прочей: она растет, имеет определенную поверхность, определенные свойства. Отсюда видно, что такие стихии, как почва, дерево и металл, могут быть обоснованы в рамках той или иной культуры, как это случилось в Китае.

Стоит отметить и то, что с самой древности «у-син» выступает в роли универсального классификатора, выполняя ту самую роль в воображении, какую выполняют традиционные четыре элемента в западной культуре. Весь мир китайцы соотносят со своими элементами: времена года, стороны света, виды животных, иерархия социального положения – всё стихийно. Как следствие, и воображение стихийно. Не исключено, что культура китайцев отличается от европейской именно потому, что они избрали иные стихии для форматирования своего воображения. Следовательно, у них другой подход к стихийному воображению, другие исторические истоки и другая картина мира. Эта культура строит свое мировоззрение на другой стихийной модели, что оказывается фундаментально важным для нее.

Необходимо обозначить, что история философии содержит в себе множество трактовок первоэлементов. Это таинственные эфиры инь и ян [Там же. С. 217]; тончайшая материя ци [Там же. С. 300]; Пуруша как первоэлемент [3, с. 48]; джайнские атомы [4, с. 335]; эфирное пространство [5, с. 123]; вездесущие индийские боги, заменяющие материю и строящие из себя мир (Шива, Вишну, Брахма); свет в учении

Сухраварди [6, с. 14] и Р. Гроссетеста; атомы Демокрита; треугольники Платона; числа пифагорейцев; гомеомерии Анаксагора и многие другие элементы. Претендентов на роль первоэлемента было множество и еще больше было их комбинаций.

Стихии не просто постулируются как первоматерия, они в воображении становятся этой первоматерией. Не зря М. Хайдеггер в своем труде о Гераклите рассматривает ситуацию игры, в которой присутствует огонь [7, с. 42]. Он анализирует мир человека, в котором огонь занимает особенное место. Сначала стихия занимает особенное место в жизни человека, а потом он возводит ее в ранг первоматерии. Вероятно, то же происходит и со всеми прочими стихиями. Как верно замечает Г. Башляр, сторонник той или иной стихии стремится к тому, чтобы она пронизывала собой всё, он желает, чтобы она стала субстанцией всего мира [8, с. 136]. Таким образом, воображение стихий является существенным сюжетом натурфилософии. От выбора тех или иных стихий, их количества, качественных характеристик, принципов взаимодействия между ними зависит специфика философской системы. Гераклит выбрал в качестве ведущей стихии огонь, Фалес — воду. Но можно вспомнить, что Олимпиодор приписывал Анаксимандру мнение, согласно которому первоначалом является промежуточное вещество между водой и воздухом: пар или дым.

Особый интерес для нашего исследования представляют гомеомерии. Гомеомерий бесконечное множество. Каждая представляет собой мельчайшую частицу того материала, которому она принадлежит. Золото состоит из гомеомерии золота, серебро из серебра, дерево из дерева, металл из металла. Всё, что является видимым, в том числе огонь, вода, земля и даже невидимый воздух, состоит из гомеомерий [9, с. 504]. Анаксагор открывает возможность говорить о потенциальной бесконечности стихий. Для него стихий бесконечно много. И это в прямом смысле стихии: некоторые разнородные элементы, занимающие в мировой иерархии равное положение и являющиеся материальными началами для всего остального. Такой плюралистический подход не встречает никакого сопротивления в воображении, кроме, конечно же, невозможности представить эту бесконечность стихий.

Чтобы иметь дело с полноценными представлениями о стихиях, необходимо коснуться комбинаторики стихий в имажинативном дискурсе. Следует напомнить, что существовало множество систем, в которых традиционный набор стихий был уменьшен до трех, двух или даже одного элемента. Например, в учении Ферекида оставались только огонь и земля [Там же. С. 87]; Аристотель утверждал, что Парменид считал началами огонь и землю [10, с. 70], а Ион настаивал на том, что существуют лишь три стихии: огонь, земля и воздух [9, с. 416], — и таких примеров достаточно много. Человечество регулярно комбинировало стихии, что еще лучше видно на примере всего Древнего мира, а не только Древней Греции. В дополнение к этому следует заметить, что довольно очевидным является стремление создать системы с тем или иным символическим количеством элементов (четыре, пять и семь — довольно распространенные схемы). Кроме того, некоторые элементы в разных системах встречаются чаще других, например огонь. Если отбросить шаблонные для многих таких систем объяснения и доказательства, то можно признать, что они создаются во многом случайно.

Имея, с одной стороны, бесконечное количество возможных стихий, а с другой — бесконечное количество их возможных комбинаций, можно обратиться к проблеме стихийности самого воображения и попытаться понять принцип его функционирования с этой точки зрения. Расширение традиционной четверицы элементов позволяет расширить границы человеческого воображения. Таким же образом можно изучать стихийное воображение в других культурах, в которых первоэлементами являлись другие субстанции.

Одним из недостатков метода Г. Башляра и его концепции в целом можно назвать стремление свести все явления грез к той или иной стихии из четырех классических. Например, свет у него является стихией воздуха, тень — воды, а дерево находит свое место между воздухом и землей, обозначая то одну, то другую стихию, в зависимости от грезы. Именно этот важный ход Башляр оставляет абсолютно необоснованным. Чтобы безоговорочно принять его методологию, следует игнорировать учения о свете Р. Гроссетеста и Я. ас-Сухраварди (эти мыслители известны тем, что определяли свет как пер-

воначало всего сущего). Однако Башляр даже не упоминает о них в своих трудах. Действительно, французский мыслитель не часто переходил к анализу философских учений, ограничиваясь анализом поэтов и прозаиков. Он не рассматривает и восточные мифы на предмет стихийности. Возможно, Башляр прав в большинстве своих попыток синтезировать самостоятельные явления со стихиями, но он ограничивается лишь европейской культурой. Например, очевидно, что молния олицетворяет огонь, ведь ее кует огненный бог, Гефест, для самого главного бога — Зевса. Было бы странно, если бы один из главных символов самого главного бога не был бы стихийным, поскольку подавляющее большинство греческих богов имеют стихийную природу. И не зря Зевс принимает участие в огненном мифе о Прометее, олицетворяя запретную сторону огня. Более того, женой Зевса считается Гера, хранительница семейного очага. Для Греции, как, впрочем, и для средневековой Европы, молния — это один из аспектов огня. Но это не значит, что для всех культур, для всех людей, для всех философских учений молния в их мифологии и философии будет соотноситься с огнем. Молнию и электричество вполне можно представить как самостоятельную стихию. В воображении не существует такого запрета. Как следствие, необходимость принадлежности молнии к огню во всех возможных случаях надо обосновать.

М. Хайдеггер, разработавший оригинальную онтологическую концепцию спонтанно-рецептивного воображения, следуя за греческой традицией, говорит, что существо огня сосредотачивается в том, что называется «молнией» [7, с. 205], и он прав в этом по отношению к греческой традиции. Хайдеггер пишет: «Будучи молнией, огонь изначально „правит“ сущим в его целом, обозревает его, озаряет и, в своем предсении, пронизывает это целое таким образом, что в каждом, что в тот или иной момент улавливается глазом, всякий раз проступает целое в его напряженной структурной слаженности, в которой переплетаются соединение и разделение» [Там же]. Этот фрагмент можно истолковать как онтологическое определение спонтанности и стихийности воображения. Данное описание молнии вызывает ассоциации с образом Зевса. Вероятно, Хайдеггер, глубоко понимавший греческую традицию, перенял данное описание

молнии, связывающее ее с огнем. В этом смысле, конечно же, грезы огня и молнии сливаются. С другой стороны, Хайдеггер периодически пытается выйти на тему света и просвета, сияния (предсания), продолжая рассуждать об огне. В противовес М. Хайдеггеру Г. Башляр уверен в том, что свет принадлежит к образам воздуха. Считается, что свет занимает подчиненную позицию по отношению к другим стихиям, но он может и сам считаться первоначалом (что было показано на примере философии Я. ас-Сухраварди и Р. Гроссетеста). Нужно отметить, что подходы к исследованию воображения у Хайдеггера и Башляра позволяют произвести с двух сторон онтологическую интерпретацию феномена воображаемого, проясняя его стихийную и спонтанную природу [11]. В данном случае тема воображения может быть введена в контекст со-бытийной онтологии [12].

Молнию, таким образом, можно трактовать как отдельную стихию, хотя в реально существующих исторических источниках нельзя столкнуться с подобным положением. Однако для воображения молния, действительно, является особым феноменом, манифестирующим его спонтанную природу. Возможны ли полноценные грезы молнии или электричества в отрыве от стихии огня? В наши дни мифология электричества намного богаче, чем мифология огня. Электричество пропитывают всю нашу жизнь, тела, дома, планету, и грезы об электричестве могут быть невероятно богаты, наполнены, и им уже не нужна связь с огнем. Для древнего человека, возможно, была очевидна эта связь, когда попадание молнии в дерево вызывает огонь. Для современного человека образ электричества не сводится к огню. Грезы об электричестве и грезы об огне в наше время — это разные акты воображения.

Обратимся к растительным грезам, которые есть, например, в китайской традиции. Г. Башляр сводит большую часть растительных имажинаций к стихии земли. Это адекватно для европейского восприятия, но если оторваться от европейской традиции, то с легкостью можно представить растительность и как основной элемент, и как элемент, равноправно занимающий свое место среди прочих. Воображение легко может представить мир, состоящий из растительной материи. Именно так определял материю Аристотель — как *hyle*, т. е. лес. Таким образом,

в культуре, которая придерживалась подобного взгляда на бытие, можно обнаружить более оригинальную глубину грез. Башляр, с нашей точки зрения, не смог достаточно точно определить стихийность образа дерева. Дерево, действительно, находится между небом и землей, оно питается дарами неба, нуждается в солнечном свете, но не меньше оно нуждается и в земле. Следует напомнить, что Башляр поместил тему дерева в две свои книги: одна посвящена воздуху, а другая – земле. Можно сказать, что дерево для него – это порождение воздуха и земли, но, на самом деле, все может быть по-другому, если исходить из того, что растительная материя является потенциальной стихией.

Когда разбирается философия Анаксагора, то в примерах часто можно столкнуться с гомеомерией, называемой «золотом». Может ли золото считаться стихией? Конечно, с рационалистической точки зрения это маловероятно, но воображение позволяет представить золото стихией, пронизывающей целый мир. Бесспорно, чем реже встречается условная гомеомерия (например, золото), тем сложнее представить ее полноценной стихией. Огонь, вода, земля, воздух, дерево, камни и разнообразные металлы довольно распространены, драгоценные металлы распространены меньше, но можно представить себе возможный мир, в котором горы состоят из алмазов. Люди, которые живут рядом с этими горами, вполне могут вообразить, что алмаз – первоэлемент всего сущего. То же можно сказать и про золото.

Приводить примеры с возможными стихиями можно довольно долго. С позиции воображения они могут являться полноценными стихиями. Это же частично адекватно и при апелляции к истории философии, которая пестрит всевозможными натурфилософскими концепциями. Особенно актуально рассмотреть эту идею с точки зрения категории возможного, обращаясь к идеям книги М.Н. Эпштейна «Философия возможного» [13]. Интересно развиваются эти идеи в книге «Проективный философский словарь: новые термины и понятия» [14], авторы которой представили новые потенциальные понятия философского познания, которых пока нет в традиционном дискурсе, но которые могут в нем быть.

Изучение свойств возможного, в отличие от реального и актуального, специфично в он-

тологическом познании. Подход к анализу возможного можно определить как метод потенцирования, который применяется в узком смысле, например в математике, и может быть перенесен в конкретные науки. В частности, в фармакологии под потенцированием понимается синергетическое взаимодействие лекарственных веществ, имеющее усиленный эффект действия. В нашем подходе метод потенцирования трактуется в широком философском плане, исходя из онтологического смысла введенных еще Аристотелем категорий акта, потенции и энтелехии. Посредством этих категорий Аристотель интерпретировал натурфилософские учения о стихиях досократиков. Метод потенцирования заключается в выявлении возможных новых стихий в результате синергического взаимодействия исходных стихий. Данный подход может прояснить существенные аспекты стихийного процесса творческого воображения человека.

В качестве итога можно сказать следующее: в данной статье высказана идея возможности расширения количества стихий, что обосновывается, с одной стороны, исторически (посредством реконструкции учений древних и современных авторов), культурологически (посредством кросс-культурного анализа различных традиций) и психологически (через анализ природы стихийного воображения). Исторический аргумент основывается на сравнении существовавших натурфилософских концепций, в каждой из которых было представлено оригинальное определение стихийности, необходимое, но недостаточное для полноты картины. Культурологический аргумент основывается на сравнительном анализе самобытности культур, фундированных принятой матрицей стихийности. Психологический аргумент апеллирует к философии воображения, согласно которой создание новых элементов и конструирование их новых комбинаций является делом вполне естественным для деятельности творческого воображения человека. Как отмечал Ю.М. Романенко, воображать можно что угодно и как угодно, воображению не положено никаких пределов, оно является бесконечным пространством реализации человеческой свободы⁵.

⁵См.: Романенко Ю.М. Онтология мифа. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 23.

Роль человеческого воображения в установлении связи между первичными и вторичными элементами крайне важна. Это подтверждается богатством альтернативных учений о стихиях: множество комбинаций разных стихий были реализованы в истории философии, однако не всё, что могло бы быть. Часто то, что считалось первоначалами у одних мыслителей, у других занимало вторичные позиции. Плюралистический подход физики гомеомерий Анаксагора, интуиции которого, на наш взгляд, разви-

вает философия возможного М.Н. Эпштейна, следует перенести в изучение стихийного воображения. Там он сыграет важную роль и будет плодотворен и полезен, поскольку категории возможного и стихийного имманентны друг другу в онтологическом контексте. Стихийность воображения усиливает его потенциал. Особенно это актуально в тех направлениях научных и философских исследований, где изучаются процессы стихийно самоорганизующихся систем в природе, обществе и мышлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Романенко Ю.М. Философия в отсвете мифа: метафизика как поэтика мыслеобразов // Метафиз. исслед. 2000. № 15. С. 69–77.
2. Фэн Ю-лань. Краткая история китайской философии. СПб.: Евразия, 1998.
3. Радхакришнан С. Индийская философия. В 2 т. Т. I. М.: МИФ, 1993.
4. Лысенко В.Г., Терентьев А.А., Шохин В.К. Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. М.: Восточная литература, 1994.
5. Шохин В.К. Школы индийской философии. М.: Восточная литература, 2004.
6. Смирнов А.В. Светоносный мир: логико-мысловый анализ оснований философии ас-Сухраварди // Ишрак: ежегодник исламской философии. № 2. М.: Восточная литература, 2011.
7. Хайдеггер М. Гераклит. СПб.: Владимир Даль, 2011.
8. Башляр Г. Вода и грезы. М: Изд-во гуманитарной литературы, 1998.
9. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М.: Наука, 1989.
10. Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1981.
11. Романенко Ю.М. Онтологический подход к воображению, или Воображаемый подход к онтологии // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. Политология. Междунар. отношения. 2003. № 4. С. 19–24.
12. Романенко Ю.М. Захваченность событием // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 2, № 2. С. 7–16.
13. Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001.
14. Проективный философский словарь: новые термины и понятия. СПб.: Алетейя, 2003.

ШАДОВ Александр Александрович – Санкт-Петербургский государственный университет; alexshadow91@mail.ru

Статья поступила в редакцию 17.06.2016 г., принята к публикации 28.02.2017 г.

REFERENCES

- [1] Yu.M. Romanenko, [Philosophy in the glare of myth: metaphysics as the poetics of thought-images], *Metafizicheskiye issledovaniya*, 15 (2000) 69–77.
- [2] Fen Yu-lan, *Kratkaya istoriya kitayskoy filosofii* [A Brief History of Chinese Philosophy], Yevraziya, St. Petersburg, 1998.
- [3] S. Radhakrishnan, *Indiyskaya filosofiya* [Indian philosophy], in 2 vol. of vol. I, MIF, Moscow, 1993.
- [4] V.G. Lysenko, A.A. Terentyev, V.K. Shokhin, *Rannaya buddiyskaya filosofiya. Filosofiya dzhaynizma* [Early Buddhist philosophy. The philosophy of Jainism], Vostochnaya literatura, Moscow, 1994.
- [5] V.K. Shokhin, *Shkoly indiyской filosofii* [Schools of Indian philosophy], Vostochnaya literatura, Moscow, 2004.
- [6] A.V. Smirnov, [The light-bearing world: the logical-semantic analysis of the philosophy of al-Suhrawardi], in: *Ishrak: yezhegodnik islamskoy filosofii*, no. 2, Vostochnaya literatura, Moscow, 2011.
- [7] M. Khaydegger, *Geraklit* [Heraclitus], Vladimir Dal' Publ. St. Petersburg, 2011.

[8] G. Bashlyar, *Voda i grezy* [Water and Dreams], Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury, Moscow, 1998.

[9] *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov*, pt. I, *Ot epicheskikh teokosmogoniy do vzniknoveniya atomistiki* [Fragments of the early Greek philosophers, pt. I, From epic thekosmogony to the origin of atomism], Nauka, Moscow, 1989.

[10] Aristotel, [Complete works], in 4 vol. of vol. 3, *Mysl'*, Moscow, 1981.

[11] Yu.M. Romanenko, [Ontological approach to the imagination, or an imaginary approach to ontology],

Vestnik St. Peterburgskogo univ. ser. 6, Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya, 4 (2003) 19–24.

[12] Yu.M. Romanenko, [Capture event], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo univ. im. A.S. Pushkina*, 2 (2) (2013) 7–16.

[13] M.N. Epshteyn, *Filosofiya vozmozhnogo* [The philosophy of the possible], Aleteyya, St. Petersburg, 2001.

[14] *Proyektivnyy filosofskiy slovar': novyye terminy i ponyatiya* [Projective philosophical dictionary: new terms and concepts], Aleteyya, St. Petersburg, 2003.

SHADOW Aleksandr A. – St. Petersburg State University; alexshadow91@mail.ru

Received 17.06.2016, accepted 28.02.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017